

«Братья Ершовы» — аннонс, ставящий нас перед вопросом: что же представляет собой конфликт в современной драме?

ТАК В ЧЕМ ЖЕ КОНФЛИКТ?

«Братья Ершовы» на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола

В последние годы по этому поводу было немало споров. И теперь уж наряду с отыщешь апологетов теории бесконфликтности. Но все-таки и сейчас нет-нет да и раздастся голос против остроты драматических конфликтов. Вот совсем недавно Юрий Лаптев в статье «На главном направлении» («Литературная газета», № 82) утверждал, что «...многие писатели, желая возвысить героя, думается, несправедливо сгущают краски и обостряют общественный конфликт произведения».

По мнению Ю. Лаптева, только этим и можно объяснить, что в ряде наших произведений действие начинается с того, что главный герой, прибыв на новое место работы, сталкивается там с вопиющими противоречиями, упущениями и злоупотреблениями.

Оставим на минуту литературные примеры. В своей речи на июньском Пленуме ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев сказал, «что у нас наряду с колхозами, которые на 100 гектаров производят 150—170 центнеров мяса, есть колхозы, которые производят 2 центнера мяса на 100 гектаров земель».

И вот представьте себе, что в такой отставший колхоз придет новый председатель. Ведь без резких конфликтов, без остроты перипетий, говоря языком искусства, пожалуй, не удастся сжать «покаяницы» между цифрами «170» и «2». Конфликты не надо выдумывать, их следует брать из жизни, вычленив из осязаемой напряженности и остроты. Они должны быть подлинными, правдивыми. А тогда уже неважно, приежизель или уезжает герой произведения. Об этом задумываешься, смотря на сцене Театра имени Ленинского комсомола инсценировку романа В. Кочетова «Братья Ершовы», сделанную Вс. Пименовым и М. Герштом. Режиссеры С. Майоров и В. Соловьев, актеры делают все, чтобы утвердить на сцене образы любимых героев автора романа. Нам определенно симпатичны братья Ершовы и их товарищи по жизни и труду — Иван Горбачев, его дочь Капа, инженер Искра Казакова.

Различны характеры братьев Ершовых: у каждого своя индивидуальность, свое отношение к жизни.

Платон Ершов в исполнении В. Мельникова много, сплюсн в обращении с людьми. И судят Платон о жизни с какой-то задушевностью, бережностью. В. Соловьев, играющий Дмитрия Ершова, удался создать характер решительный, может быть, угловатый, немного угрюмый и вместе с тем по-особому скромный, стеснительный. А главное — предельно ясный, определенный. Умеет глубоко и пристально заглянуть в душу своего героя, до конца понять реальность, достоверность всех его поступков, мыслей и чувств, отмечена игра В. Всеволодова в роли Ивана Горбачева. Правда, «предлагаемые обстоятельства», а которые ставят актеры авторы спектакля, не всегда помогают раскрыть действия и мысли его героя так, как они раскрывались в романе, но все же В. Всеволодов создает незабываемый, убеждающий образ партийного деятеля.

Его объяснение с дочерью Капой (арт. И. Корнякина), решившей соединить свою судьбу с судьбой Андрея Ершова, — одна из самых волнующих сцен спектакля. Здесь проявляются та непосредственность, жизненная правда, которые составляют суть постановки. Но таких моментов, в социальном, не очень много. И здесь невольно вспомнишь спектакль Театра имени Маяковского «Самый Журбинский», созданный на основе одноименного романа В. Кочетова. Там тоже была показана рабочая семья, дела и дни этой семьи, ее радости, волнения, споры, даже ссоры, расставания. Но в той постановке ощущалась куда большая естественность, непринужденность и, главное, глубина в рассказе о судьбах рабочих людей, о мечтах и стремлениях трудового человека Советской страны.

ПРИЧИНА многих слабостей спектакля Театра имени Ленинского комсомола в том, что режиссура и постановщики слишком несовершенно, поверхностно инсценировали. Слиш-

ком многого во внутренних характеристиках, в обстоятельствах жизни героев романа в пьесе выглядит обедненным, едва намеченным. Иные из актеров пытаются, правда, найти более глубокие решения, но непрочная ткань драматургии рвется, и тогда начинают выпирать искусственность, мелодраматичность пьесы, а в игре артистов правда жизни смещается доминирующей театральностью. Именно такой участи на небезжалостно артистка А. Козлова, с изысканной настойчивостью, со слезливым надрывом подчеркивающая внутреннее одиночество, несчастливую судьбу своей героини Ольги Величкиной.

Уж слишком обездоленной, прижатой к жизни эта Величкина, стесняющаяся и своих отношений с Дмитрием, и своей встречи со Станиславом, и вообще всей своей жизни. С этим образом в спектакле ахочит какая-то ноющая нота.

Основной конфликт постановки — столкновение Ершовых и их друзей с человеческой нечестью: с честолюбивым карьеристом Орлеанцевым, с проходимцем Крутильцем, с прохвостом Воробейным.

Зритель, приходящий в театр, не обязан читать роман. Он смотрит спектакль и делает свои выводы. Но если справедливо замечание о том, что в романе могущество карьериста Орлеанцева явно преувеличено, то в спектакле получилось смещение в противоположную сторону. Орлеанцев, каким его играет В. Брагин, — это мелкий бес, неуныный, легкомысленный интриган, болтающий о том, что жизнью должны управлять те, кто управляет техникой, кто с дипломом. Братия рисует Орлеанцева человеком, легко распознаваемым в своих устремлениях. Даже внешне непривлекательным. Нам так же представлялся нам Орлеанцев. Ведь у него все рассчитано на то, чтобы произвести хорошее впечатление на людей, у него все заранее взвешено и отмерено, вплоть до продуманной небрежности в одежде, до манеры обращения, сорта духов, походки, интонаций. Он сразу никого и никогда не восставлял против себя. Напротив, он, насколько мог, старался расположить, завоевать людей. В крайнем случае нейтрализовать. Вот почему поначалу терпел его Горбачев, старостин, но не враждебно к нему относился рабочий.

В спектакле все, что касается характера Орлеанцева, снято, а обстоятельства остались почти без изменений. Отсюда возникает ряд недоуменных вопросов. Почему так долго Орлеанцева и его соратника Крутильца (арт. А. Пелевина) изображает его вполне опустившимся, депрессивным, неунывающим человеком, почти всегда находящимся «под градусом»? не распознает умный и принципиальный Горбачев? Почему директор завода Чибисов, братья Ершовы и работники обкома и горкома так долго терпят, чтобы эти два проходимца атаковали честных людей? Наконец, где те темные, неведомые силы, которые так долго поддерживали на поверхности жизни этого мелкого интригана? Правда, в спектакле есть намеки, что Орлеанцев, мол, уехал из Москвы неспроста, что к этому вынудила его обстоятельства. Зритель слышит эти намеки и ждет с нетерпением, когда тот же Горбачев или Чибисов возьмут трубку, да позвонят в Москву и спросят: кто же такой Орлеанцев?

Получается досадная осязка: зритель сразу раскусил Орлеанцева, а действующие лица, умные и проницательные, его не могут увидеть и понять до последней или предпоследней ниточки.

Все это ведет к ложному конфликту. Зрителя хотят убедить в значительности происходящей на сцене борьбы, а он в это не верит. Ибо он видит перед собой мелких проходимцев и не более того. Эта условность, эта мнимая напряженность конфликта неизбежно приглушают и основную тему инсценировки, а следовательно, и спектакля, — тему рабочего класса, его значения, как решающей силы в строительстве коммунизма. В спектакле мы видим ряд убедительно решенных живых сцен, но главный конфликт снят, упрощен, не развивает сюжета, не раскрывает характеров.

ЧТО ЖЕ ПОЛУЧАЕТСЯ Главные герои не приехали на новое место (и это, очевидно, усомнимо бы Юрия Лаптева, ибо никто из них не разоблачал вопиющих противоречий, упущений, злоупотреблений). Наоборот, они честно и самоотверженно строили жизнь на старом месте, на родном заводе. Приехал малокорытный интриган, которого в зрительском зале сразу разоблачили. Вот он-то и зажал в аду, создал конфликт, который в итоге оказался мнимовещательным. Если принять этот конфликт за реальный, действительный, то выяснится, что всякой нечести очень легко портить жизнь хороших людей. Такой вывод, очевидно, никто из создателей спектакля не собирался делать. Но он напрашивается сам собой. Ибо все же остается один нерешенный вопрос: почему в спектакле столько злодеев, столько абымы с толку людей, почему такие мелкие бесы, как Орлеанцев и Крутильч, так долго мучат жизнь честных, настоящих людей? Спектакль на этот вопрос ответа не дает.

В. ЗАЛЕСКИЙ

В. И. М. 59
миссия